

1920-е годы — время формирования нового статуса журналиста-профессионала. Этот процесс сопровождался огромными трудностями: старые кадры оказались невостребованными, не было средств для привлечения в редакцию губернской газеты талантливой молодежи, для ее обучения. Немногочисленные штатные сотрудники редакций жили впроголодь, писали многочисленные заметки на самые разные темы, имея по множеству псевдонимов.

Осенью 1921 года в Орловской губернии была проведена регистрация всех работников печати. По ее итогам в январе 1922 года в Орле состоялся первый губернский съезд работников печати. С докладом на нем выступил редактор газеты "Земледелец и рабочий" (непосредственная предшественница "Орловской правды") В.И. Кондратьев. Были детально проанализированы причины нестабильной работы изданий, непрофессионализма сотрудников, низкого качества оформления газет. Речь шла о скудных заработках, отсутствии помещений для редакций, плохом финансировании закупок бумаги. Выступавший на съезде член редколлегии газеты "Земледелец и рабочий" Т.М. Левин сообщил, что на прошедшем накануне городском совещании работников печати Орла было высказано пожелание организовать Союз журналистов губернии (видимо, после грозных событий гражданской войны о прежнем Союзе, созданном летом 1919 года, уже прочно забыли). Съезд принял постановление создать Союз журналистов Орловской губернии и избрал его временное правление. 18 февраля 1922 года в газете "Земледелец и рабочий" появилась информация "На собрания журналистов", о том, что вместо временного правления избрано постоянное бюро Союза журналистов Орловской губернии в составе: В.И. Кондратьев (председатель), В.В. Виноградов, Т.М. Левин, В.Н. Парахин, И.И. Селихов (все они в будущем — сотрудники "Орловской правды").

Страна залечивала раны лихолетья, росли тиражи газет, открывались новые издания. Но вместе с тем по мере формирования административно-командной системы укреплялось и цензурное ведомство. 6 июня 1922 года был издан декрет Совнаркома о создании Главного управления по делам литературы и издательств ("Главлит"): "Главлит воспринимает издание и распространение произведений: а) содержащих агитацию против Советской власти; б) разглашающих военные тайны республики; в) возбуждающих общественное мнение; г) возбуждающих национальный и религиозный фанатизм; д) носящих порнографический характер".

На Главлит и его местные органы (в Орле губернским инспектором по делам литературы и печати была назначена Пирозкая) возлагались составление списков произведений печати, запрещенных к продаже и распространению; издание инструкций, распоряжений по делам печати. В функции Гублитов входила даже регистрация стенгазет (!) и надзор за ними. Как подчеркивалось на одном из совещаний в Орловском губкоме в августе 1925 года, "Гублит и ГПУ в отношении контроля и борьбы с распространением антисоветской литературы дополняют друг друга".

Согласно "Перечню сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению в целях сохранения политико-экономических интересов СССР" (1925 год) первоначально имелось всего 96 "запретных" пунктов. В частности, это:

беспризорных и безработных элементах, контрреволюционных налетах на правительственные учреждения;

— о столкновениях органов власти с крестьянами при проведении налоговых и фискальных мероприятий, а также столкновениях по поводу принуждения

СЛОВО ЖУРНАЛИСТА

граждан к выполнению трудовых обязанностей;

— сведения о количестве преступлений, о партийном составе обвиняемых и о количестве решений суда с применением высшей меры наказания.

Запрещено было публиковать материалы "о роспуске буржуазных и кулацких советов и о репрессиях, предпринимаемых по отношению к ним", "об административных высылках социально опасного элемента, как массовых, так и единичных". Были и вообще курьезные запреты. К примеру, нежелательной объявлялась реклама иностранных фирм о следующих товарах: вязаные изделия, обувь, косметика, ткани для одежды, готовое платье и белье, продовольственные товары, часы, иглы, утюги, примуса и т.д.

Неудивительно поэтому, что пожелтевшие подшивки ныне хранят молчание о целом ряде сторон жизни Орловщины в период НЭПа. По состоянию на 1925 год структура редакции "Орловской правды" имела следующий вид: отдел статейный (готовил передовые, "руководящие" статьи на первую полосу), отдел внешней и общесоюзной информации (на основе радиogramм готовил подборки на первую полосу, здесь же размещался небольшой раздел "Местные новости"), партийный отдел, отдел рабочей и профессиональной жизни, крестьянский отдел, военный отдел, отдел "Вести из уездов", отдел "Местные новости" (информация по городу Орлу, освещение работы проходящих в Орле съездов, конференций, сессий Советов, рубрики "Присшествия", "Суд", "Нам пишут"); так называемые мелкие отделы: "Театр и кино", "Библиография", "Наука и техника", "Смесь" (легкое чтение); официальный отдел (публикация извещений и распоряжений местной власти в соответствии с официальным статусом "Орловской правды"), отдел объявлений.

Даже беглый взгляд на литературу и журналистику тех лет оставляет неизгладимое впечатление от свежести и необычности языка. И это вполне объяснимо: огромной была агитационная роль слова, в литературу, на газетную полосу пришел народный, крестьянский

язык, были исключительно сильны новаторские тенденции. Возможно, современному читателю покажется непонятной некоторая вычурность: она выражается в изменении обычной расстановки слов, в несколько искусственной ритмизации речи. Например, вот почти весь текст небольшого репортажа Николая Васильева с биржи труда под заголовком "Кого вычистили?":

"Под крышей Биржи грелись не только спекулянты всех рангов.

Попадались и "редкостные" музейные экземпляры. Бывшая княгиня Волконская.

Аристократка, французский язык, салонные манеры и все такое прочее.

Когда-то блистала на ба-

— Долго ему тут стоять и рассматривать в прах? — проговорил тот, который был повыше.

— Клуб сделаем... — ответил второй, пониже.

— Клуб будет из него очень не велик... Куда этакая машина!

— Завод можно устроить...

— Завод!... Хны... Завод... а что ты на этом заводе будешь делать?...

— Тогда в расход пускать...

— Чего в расход?... Как в расход?

— Разобрать по кирочку... выбрать лес, железо и — продать кому надо... Вот тебе и весь сказ... Чего так то стоять!

— Тогда лучше приспособить под квартиры... полотно-то семейств смело втиснется... А то что из того, что разберешь или так оставишь стоять... через 2-3 года и звания не останется.

— Это правильно.

— Да уж куда правильной! Стоит и глаза толь-

кошенковские мотивы налицо в сатирической миниатюре заведующего рабочим отделом "Орловской правды" Николая Басова "Человек в кампаниях". Довольно смело критикуя приверженность партийного руководства и журналистов к всевозможным ударным неделям и месячникам, Басов рисует сценку: милиционер, выполняя план, очередную "ударную норму" кампании по борьбе с хулиганами, арестовывает автора-героя. Тот сидит в кутузке и размышляет:

"У нас теперь на советской земле вся жизнь протекает по кампаниям. То ОДД, то ОДН, то ОДР, то еще что-нибудь. Недели не проходит, чтобы не было какой ни на есть кампании. Прямо говоря, жить неудобно от них. Как мухи. От одной отделился — другая, от другой — третья. И так без передышки. Раньше об этих кампаниях и слуху не было. Жили себе тихо и благосклонно. А теперь как газету взял, так кампания..."

В кампанию по приему в партию, из боязни перед начальником, вступил я в ВКП(б). Поругался с родными, а вступил. В кампанию же по очистке рядов от чуждых и примазавшихся элементов меня выкинули. И с родными поругался, и остался беспартийным.

На субботнике по восстановлению транспорта паровоз меня в груди буфером пихнул с переломом ребра.

На что уж кампания по восстановлению Донбасса, и то беда. Уехал на Донбасс мой сосед по квартире, бывший запальщик с шахт, и с ним сбежала наша любимая супруга.

Когда "Руки прочь от Китая" — я, как на грех, купил за личные средства портфель китайской работы, который у меня на второй же день уперли совместно с двумя сотнями казенных денег, благодаря чему неделю МОПРа просидел в угрозылке.

При режиме экономии и сокращении госаппарата меня сократили в первую же очередь с выходным пособием в размере 2-х недель, и с того момента я безработный.

Читаю я в газетах грозные слова в смысле хулиганства, и начинает меня бить дрожь".

Имитация размышлений обывателя вырастает в миниатюре "Человек в кампаниях" в грозное обличение всей системы общественной жизни тех лет, уродливо существующей под прессом партийного аппарата. Шуточный монолог окрашивается трагическими тонами: где же искать спасения обывателю от постоянных "прочесываний", сокращений, новых и новых требований власти? Автор только ставит вопросы, ставит их с иронией, с сочувствием к своему герою. И даже дает подсказку: спасение в милицеевской кутузке? Время ответило на эти вопросы и ироничные подсказки весьма скоро и жестко: обывателю было предложено вообще забыть о своих нуждах и невзгодах, автору же просто запретили писать на подобную тематику. С началом 1930-х годов сузится не только круг проблем, поднимаемых в прессе, изменится и стилистика, чисто пропагандистской. За ироничный фельетон журналист отныне будет рисковать получить не нагоняй от начальства, а тюремный срок или высшую меру наказания.

Алексей КОНДРАТЕНКО.

лах и празднествах, кружила головы...
Теперь...
Регистрировалась на Бирже чернорабочей.
Наблюдались всевозможные проделки, чтобы обмануть проверочную комиссию.
Ничего не стыдились, ничего не стеснялись.
Переодевание — стало массовым явлением.
Приходили на Биржу чуть ли не в лохмотьях.
Дыра на дыре, заплатка на заплатке.
— Рыбило в глазах.
А им хоть бы что.
— Один разок щегольну в лохмотьях, а там опять хорошо.
Много было таких.
А на другой день встречали их разряженными и раздуженными.
Хитрили все. Очень хитрили" (Орловская правда, 1924, 26 апр.).

Практические все факты брались журналистами, авторами очерков и фельетонов, рассказов из будничной жизни. Газетчики стремились найти в повседневности и следы прошлого, и приметы нового. Один из образцов жанра "заметки по поводу" — публикация под заголовком "Шли они":

"Они возвращались с работы. Увидав руины быши. женского монастыря (в Орле. — А.К.), сдвинули свои каскетки на левое ухо, передвинули на правое, потом двинули их на лоб, почесали в затылках.

ко мозолит... Верующие то теперь где они?! Будет, довольно, поклонялись!

— А теперь кланяйся коммунизму — дай квартирку!
— А ты организуй-ка жилищное строительство и дело с концом...
И то, товарищ, правда... давай-ка сорганизуем" (Орловская правда, 1926, 21 сент.).

Обстановка обрисована скупо, двумя-тремя беглыми штрихами, однако автор старается вызвать у читателя определенное чувство. Важную роль играет речевая характеристика. В 1920-е годы с ее помощью стремились достичь как минимум две цели: в репликах идет развитие действия и характеризуются персонажи. Экономность, живость и простота приема были как нельзя кстати газетчикам. Характеристика героев, как правило, была сжата до предела, практически всегда имела идеологическую окраску. Иные бытовые зарисовки писались языком доклада. Вот выдержка из заметки под заголовком "Среди парикмахеров": "Рабочий-парикмахер далек еще от пролетарского правосознания, от психологии и солидарности. Свообразная особенность парикмахерского ремесла заставляет рабочего-парикмахера иметь постоянное общение с элементами в значительном большинстве эмпманского пошиба, мелкобуржуазного и мещанского уклада. Отсюда у рабочего-парикмахера засоренное классовое сознание" (Орловская правда, 1924, 11 июня).

